

Всеволод ПЕПЕЛЯЕВ

Наказание без преступления

«Зло сразив,
добро пребудет
в этом мире непременно»

В лагере ЗЭК спрашивает
новоприбывшего:
— Какой срок?
— Двадцать пять.
— За что же?
— Да ни за что.
— Врешь, у нас за ни за что
больше десяти не дают!

Предисловие

По советам и просьбам своих старых друзей юности, не познавших на себе всех «прелестей» советской исправительной системы в лагерях, приступил к изложению пережитого.

«Мы много книг и рассказов читали про ГУЛАГ, но не уверены, где правда, где фантазия, а тебе поверим», — так говорили они.

Не претендуя на литературную грамотность, повествую о том, что не выветрилось из памяти за 50 лет. Этого не забыть. Хочу только, чтобы старые друзья, их дети, внуки да и вообще потомки знали, что так действительно было и, не дай Бог, чтобы повторилось!

Автобиография

Родился в 1913 г. в г. Томске, в семье военного. Отец в 1914 г. ушел на войну с Германией, потом на гражданскую, так я рос без отца. В 1920 г. с волной эмигрантов, с матерью попал в чужой, незнакомый Харбин — город бедных и богатых. 10 лет проучился в коммерческом училище КВЖД (мать работала в Управлении дороги) и сразу начал работать матросом, инкассатором, охранником, бухгалтером, рыбаком, продавцом, но только в 40-х годах стал владельцем небольшого магазина автозапчастей в г. Хайларе, где проживал до 1945 г. — до освобождения Маньчжурии от японцев.

В 1946 г. меня пригласили работать советские военные и я с величайшей радостью вернулся на Родину, переехал в Читу, где проработал до 15.12.1947 г., когда вместе с моим начальником, майором Кузнецовым, приехали двое военных и предъявили ордер на арест. Затем 180 суток в подвале и постановление Особого совещания (ОСО): 25 лет исправительно-трудовых лагерей.

«Исправился» в 1956 г. — спасибо Н.С.Хрущеву. После колымского «белого безмолвия» захотелось тепла — поселился в Ташкенте с матерью, которая была выслана в Южный Казахстан. Вскоре женился на харбинке, перебрался в Абхазию, в г. Гагры, где проработал в Минкомхозе по благоустройству города до конфликта Грузии с Абхазией. Когда все разграбили, как беженец-вынужденный переселенец, уехал к родственникам жены в г. Черкесск, где благодаря им и местной администрации получил прописку, жилье, пенсию. Инвалид II группы.

Часть I

Блаженны неведующие

Испытавший унижения, вопиющую несправедливость, всевозможные лишения, издевательства, а порой и физические пытки, холод и, пожалуй, самое страшное — голод, вполне естественно я излагаю свои впечатления именно со своей точки зрения. Постараюсь обойтись без предвзятостей. Удивительно, до чего же мы все наивны! «Это ошибка, все выяснится, меня-то за что?». Только спустя какое-то время, я ясно осознал, что многие так и думали, когда их арестовывали, а когда рассказываешь об этом человеку, этого не испытавшему, чувствуешь, почти видишь его сомнения, недоверие. «Наш суд народный, самый справедливый, все защищены законом, Конституцией». Эти слова, казалось, не подлежат даже малейшему сомнению. Переосмысливание этой истины начинает приходиться постепенно, очень медленно. У меня, например, только тогда, когда следователь совсем недвусмысленно, после трех месяцев одиночки и еженощных допросов, сказал: «Все равно осудим, дело только в том, какой будет срок, а это зависит от Вас (или тебя — по настроению). Надо во всем сознаться, ничего не утаить — это облегчит наказание». И дальше: «Ну, если человек не помогает следствию — ему же хуже, у нас есть способы — нет, мы не бьем, не пытаем, не мучаем — это у нас запрещено законом, но в исключительных случаях, когда мы уверены в его виновности, а он не сознается, мы можем

взять санкцию вышестоящего начальства и тогда (видно, как начинает нервничать, переходит на крик) узнаешь... нашу советскую резину». Следователь ведь тоже человек, ему уже надоело придумывать разные способы, как бы что конкретное записать в протокол, и он начинает угрожать: «Не признаешься — посадим мать, а сидеть здесь будешь сколько захочу, немало я таких, как ты, загнал ТУДА. Мой путь — ЧК, ГПУ, НКВД, МГБ, мы — обнаженный, карающий меч советского правосудия. Вот недавно война закончилась, и наши враги скрываются: кто на восток, кто, наоборот, в центр, — вот тут их мы и ловим. А ты не раскрываешься, ты настоящий шпион, и твой отец был арестован за КРД (контрреволюционную деятельность)». Тут я напоминаю, что сын за отца не отвечает, но он уже разгорячился: «Да, конечно, это по закону, но вообще-то мы с корнем уничтожаем такие семьи».

Случалось, он говорил такое, что другие следователи никогда бы не сказали, что дискредитировало его самого и систему. Например, он рассказывал, какие еще есть способы у следствия, чтобы «расколоть» упорного: как подсаживают «наседку», как лишают его сна, как применяют очень страшные, физические пытки (теперь, говорил он, мы не применяем), как иногда, наоборот, «подкармливают».

Подвальные КПЗ (камеры предварительного заключения) Читинского управления МГБ... Я сижу в последней из 4 самых дальних одиночных камер, размером приблизительно 2х1,5 м., без окон. Днем и ночью на потолке горит большая лампочка, пол, стены — бетонные, на одной из стен — большое железное кольцо (вероятно, не случайно), около двери — маленькая бочка («параша»). Вдоль одной стены идет толстая труба отопления. Ни стула, ни топчана. На железной двери — дверка для передачи пищи и глазок для подглядывания, к которому дежурный подходит бесшумно, но если днем задремлешь, сидя на полу, сразу разбудит: «Спать днем нельзя!». Кормят тоже дежурные, а они — молодые солдаты — разные: кто-то как собаке бросит миску с супом, а были и такие случаи, когда охранник уже идет по камерам посуду собирать (а в ведре у него еще осталась еда), он, ничего не говоря, наливает добавку и даже ждет, пока ты быстро-быстро очистишь посуду. Утром — чай, 300 граммов хлеба на сутки, кусочек селедки грамм на 10-15, в обед — суп-баланда, иногда сносный: видно, остатки из солдатской кухни, вечером — чай или тот же суп. Кормежка экономно рассчитана, строго нормирована, чтобы человек жил, не умер от голода, но чтобы и не лезли в голову «дурные» мысли, чтобы был сговорчивее.

Но больше изматывают ночные, в основном, глупые, повторяющиеся допросы. Обычно вызывают после отбоя, часов в 11-12 вечера. Допрос иногда длится до 2-3 утра. Случалось, что следователь назначает какого-нибудь молодого лейтенанта и дает ему задание вести допрос, вероятно, назначив тему и время, а сам уходит. Самое глупое, страшное и бесполезное — эти допросы. Основной следователь, прочтя их, вероятно, улыбнется, но к делу все-таки обязан приложить, хотя с удовольствием бы выбросил.

Обязывают формальности.

Вот, например, такой молодой следователь начинает допрос-биографию, но пишет в своем стиле, с уклоном, приблизительно так: будучи воспитан в антисоветском духе, относясь отрицательно ко всему советскому, добровольно, по своему желанию, вступил в антисоветскую организацию, где своей антисоветской деятельностью доказал враждебность к Советскому Союзу, контрреволюционность и т.д.

В лагере даже рассказывали не то быль, не то анекдот о том, как один подследственный, измученный таким допросом, вышел из терпения и закричал: «Будь он проклят, этот тиран!». Следователь сразу: «Кто, кто проклят? Кто тиран?». Подследственный: «Как кто? Трумэн, конечно, он — наш враг, он — тиран, а ты на кого подумал?» Следователь: «Да, я тоже так и подумал».

Мой следователь подполковник Лебедев — начальник следственного отдела, лет 50-ти, был, конечно, очень опытным. Его назначили вести мое дело «в связи с особой сложностью». Это я узнал, когда подписывал 206-ю статью об окончании следствия. Тогда дают прочитать все дело. А «сложность» была в том, что я в то время работал в нашей, советской разведке. «Крыша», «хвост», «з/к» — это теперь все знают из нашей литературы о разведчиках и шпионах. «Легенда», «дубок», «компромат» — эту лексику уже не все знают, а есть в разведке еще «з/к» — и это не ЗЭК (заключенный), это означает — «за кордоном». Наша группа — два резидента — жили в соседнем государстве, еще там же — радист, а я — молодой, здоровый, холостой, был связным, жил в Чите, но имел документы такие же, как и мои друзья за рубежом. Кстати, мы уже тогда предупреждали о плохом отношении той стороны к советской стране. Все мы хорошо знали друг друга, очень гордились такой ответственной работой (между собой, конечно), честно выполняли задания, но... кому-то это не понравилось или еще какая причина — но все были арестованы (это узнал я через 10 лет). Один из группы умер в лагере, один был реабилитирован в 1954 г., и ему

даже было предложено работать на старом месте и была выплачена компенсация за «вынужденный прогул».

Итак, мой следователь (да простят мне его дети, внуки, родные, вне всякого сомнения, уверенные в исключительно полезной деятельности, в незапятнанной чекистской совести своего родственника!), чьи «результаты» работы я испытал на себе... Вдобавок к моему делу в Москву, на суд «тройки», пошло и его препроводительное заключение, в котором он совершенно без доказательств, только на основании своих привычных, устоявшихся предположений и умозаключений, сделал из меня шпиона. Это же явное нарушение закона, Конституции! На основе его «узаконенных» предположений я 10 лет работал на Колыме, а он, вероятно, продолжал и дальше «качать обнаженным мечом советского правосудия».

Итак, мой подполковник — опытный следователь, но фактов нет, и он пишет запросы в лагеря, где могут сидеть мои знакомые, земляки, но ответы оттуда ему не подходят. Я спокоен, я знаю, что ни в чем не замешан, моего преступления нет и быть не может. И он выдумывает способ, чтобы меня на чем-то поймать. Вот пример. Как-то днем, во время допроса, набирает номер телефона и спрашивает: «Архив? Вот тут у меня один подследственный, говорит, что учился на шоферских курсах в 1934 г. в Маньчжурии, в Харбине. Курсы, говорит, назывались «Интернационал». Ну вы-то знаете, что это были курсы шпионов, так вот посмотрите списки, был ли там такой-то (называет мою фамилию)». Несмотря на всю сложность моего положения, я не вытерпел — рассмеялся. Да и он, видно, понял всю нелепость своей затеи, трубку положил, а мне говорит: «Ну ты, махровый шпион» и... предложил мне закурить, что бывало очень редко.

Еще случай, еще глупее. На очередном ночном допросе у следователя на столе появилась книжка с заголовком «Маньчжурия». Как я вскоре из разговора с ним понял, это был свод данных разведки о живущих там русских. И вот в этой книжечке было написано, что я выступал в Хайларе по радио, призывал (ни много, ни мало!) к походу на Москву. Когда он мне это объявил, я не мог ничего сообразить, но потом он прочитал выдержку — конец цитаты из радиопередачи: «На утро начать наступление». Сразу всплыла в памяти сцена у фонтана из «Бориса Годунова»: самозванец объясняется с Мариной и действительно говорит такие слова: «На утро двинуть!» Да, была такая литературная передача: одна девушка читала слова Марины, а я — Дмитрия Самозванца. Это надо же быть таким коварным, хитрым, чтобы в пушкинские слова вложить контрреволюционное

содержание. Как говорят, нарочно не придумаешь!

Ну и еще один пример. Это уже когда многое было испробовано, а я все не «сознавался». Меня перевели в камеру на двоих и было в ней две кровати. Сидел там один китаец, сносно говоривший по-русски. Я был рад, что можно было хоть с кем-то поговорить. Больше мы вспоминали о разных вкусных блюдах китайской кухни, но и о своих бедах не забывали. Он, оказалось, уже «сидел» в 37-м году. За неделю я успел многое рассказать ему о своей жизни. Ночью меня вызывать перестали, а его продолжали вызывать каждый вечер, но не надолго. И вот он, как бы между прочим, меня спрашивает: «А что дают с собой, когда посылают через границу в Советский Союз?».

Поскольку я этого не знал, так и ответил. Но тут до меня дошло, что вопрос этот не его, а следователя. При первом же вызове я сказал об этом следователю, на что он откровенно высказался: «Вот как бывает интересно: сидят двое и можно узнать от одного про другого, а он и не подозревает». Так я узнал, что это был «наседка», а меня опять перевели в другую камеру. В то же приблизительно время подселили ко мне настоящего немецкого пособника, по фамилии Хмель, он был с Крымского полуострова. Рассказал, что когда попал в плен к немцам, не выдержал в лагере и стал у них работать, а потом пришли наши и его «посадили». Во время оккупации он работал в газете. Он несколько раз бился головой о бетонную стену, причем было видно, что не для «демонстрации», а действительно что есть силы. Он был уверен, что его расстреляют, говорил, что один раз это уже с ним проделали, когда наши срочно уходили из города. «Я тогда сидел в тюрьме, — рассказывал он. — Велось следствие. Однажды вызвали на допрос, но повели не наверх, как всегда, к следователю, а наоборот, по лестнице вниз. Довел конвойный до какой-то двери и говорит: «Открой дверь и заходи». Я только открыл дверь, сделал один шаг и... упал от выстрела сзади, потерял сознание. Не знаю, через сколько времени очнулся и понял, что не убит. Было совсем темно. Я нащупал около себя несколько мертвых, потихоньку начал ползать, нашел выход. Вся тюрьма была пустая. В городе еще стреляют, вошли немцы. И опять я стал у них работать». Он мне рассказал, что поскольку у него положение безвыходное, он предложил следователю быть всю жизнь «подсадным», т.е. помогать следствию. И тогда следователь ему предложил для начала «расколоть» меня. Я его успокоил, сказав, что смертная казнь отменена, но он не поверил. Если останусь живым, напишу, говорит, книгу «Здесь и там» — это про наши и немецкие тюрьмы: какие мучения были в немецком лагере и как терпимо здесь.

Много вариантов я перебрал, чтобы доказать всю абсурдность моего обвинения, но остановился на том, что в данной ситуации это невозможно, да и следователь начал говорить, что в лагере будет лучше — мол, кто хорошо работает, получает досрочное освобождение. Я на это отвечал, что здесь я, наверное, меньше пользы принесу государству, чем на свободе. Да, говорил он, я не сомневаюсь, но там надо восстанавливать народное хозяйство. В то время я не знал, что не должен доказывать свою невиновность, а следствие должно доказать мою вину. От постоянного недоедания и моральных переживаний я очень ослаб, что начало сказываться на психике: стал безразличным к допросам, начал подписывать все, что напишут, не читая. Уже перестали вызывать ночами. «Судить будет Москва, так как открыто тебя судить нельзя — сам понимаешь», говорил мне «гражданин следователь» (подсудимые и осужденные могут обращаться к «вольным» только через «гражданин»). Начались страшные сны, которые не давали спать спокойно. Часто во сне ел жареную картошку.

Все пуговицы на одежде были срезаны в первый же день ареста, 15.12.1947 г. Ремень отобран, так же как все, что было в карманах. Но одна пуговка случайно сохранилась, ею я с первого дня ежедневно делал отметку на стене своей камеры. Когда переводили в другую, дату запоминал и опять каждое утро вел свой календарь. Однажды утром нацарапал цифру «180», и в этот день меня вызвали, отвели в комнату дежурного охраны и дали бумажку в пол-листа, сказав: «Распишитесь». Это было постановление ОСО при МГБ Союза СССР из г. Москвы за № 20 от 26.05.1948 г. Я осуждался по ст. ст. 58-4 и 58-6 ч. 1 УК РСФСР, что означало: «шпионаж и помощь мировой буржуазии». Срок — 25 лет ИТЛ. «Обжалованию не подлежит».

И начался новый отсчет времени. Тюрьма, этап, пересылка, опять тюрьма, этап, «столыпинские вагоны», сухой паек (дали хлеба на три дня — я съел сразу). Конвой с собаками каждый раз предупреждает: «Шаг влево, шаг вправо — считаю побег». Первое знакомство с «ворами в законе», с «шуриками», блатными. Вот уже более 40 лет прошло, а мне еще снятся лагерь, пересылки, где я снова среди заключенных. Кругом злые лица, конвой, лают собаки, кто-то хочет что-то отобрать, объявляют, что произошли изменения — добавлен срок или просто что раньше освободили ошибочно... Все это так реально, что проснешься и не веришь настоящему, не можешь сразу сообразить, где ты, в каком лагере или в тюрьме. Даже приходилось пощупать руками вокруг, в особенности, если очень темно.

Не знаю, как другие бывшие политические лагерники — может быть, кто-то и избавился от этих кошмаров. Но у меня такие сны, вероятно, будут продолжаться всю оставшуюся жизнь.

В газетах иногда еще появляются сообщения о розыске отдельных нацистских, военных преступников и предании их суду за преступления против советского народа, но что-то не слышно, чтобы разыскивали кого-то из командования ГУЛАГа, о суде над советскими, бериевскими надзирателями, палачами-следователями, издевавшимися над своими же людьми. А в жизни порой приходилось встречаться с такими вот благополучными пенсионерами, с орденами за заслуги перед Родиной. Возможно, где-то есть у них покровители. Даже слышны их голоса, что они, конечно, жалеют о прошлых временах. Но при случае готовы объединиться и потрянуть стариной.

Часть II

«Я помню тот Ванинский порт»

В Читинской тюрьме узнал, как закурить без спички, как «конька пуляют» (на нитке отправляют записку в другую камеру). Первые слова на блатном жаргоне: «конва» — письмо, «мойка» — бритва, «лепила» — медработник и пр. Несколько раз нам выдавали сухой паек — хлеб на три дня и водили колонной человек в 100 ранним утром на вокзал. Приходил поезд, но почему-то нас не брал конвой и вели обратно. Я в первый день съел весь хлеб, выданный на три дня и с ужасом подумал, что же со мной будет, но... на следующий день утром нам опять выдали суточную норму. Оказывается, не я один так поступил. Администрация уже к этому привыкла, да и обязана она все равно нас кормить, иначе могут быть смертельные исходы или случаи заболеваний. А начальство за жизни заключенных отвечает. Вот ведь как у нас! Где-то в июле, после нескольких неудачных попыток, все-таки посадили по 8-10 человек в купе «столыпинского» вагона (4-х местные купе). На верхней полке лежал «вор» по кличке «Федька-зверь». Ему сразу понравилась моя военная гимнастерка, но он не отнял, он «культурно» мне предложил за нее «сменку», т.е. свою рубашку х/б и еще солдатскую шинель — там, мол, куда нас везут, холодно — пригодится! Так у меня начал прибавляться багаж, появился мешок — «сидор» по-лагерному. Еще в нашем купе ехали три молодых солдата с Западной Украины. Все они были в

оккупации, но когда их освободили, воевали в нашей армии. Ну а теперь, после проверки, оказались «преступниками» — измена Родине. Один, самый молодой, Иван Ткачук, потом попал вместе со мной в Магаданскую пересылку, где все время вспоминал свой дом, родных, очень переживал, что не может ничем помочь старикам-родителям.

На какой-то станции к нам подсадили одного с большим мешком вещей. Мы-то уже все как-то освоились, даже некоторые разговорились, а он испуганно, подозрительно смотрел на всех, сел на свой мешок и вскоре задремал. А ночью, когда свет притушили, ему, потеснившись, дали еще немного места — посидеть на нижней полке. Мешок он затолкал под сиденье. Я сидел напротив (опять не мог спать) и видел, как пацан, лежавший наверху с воров, тихонько слез и пополз под нижнюю полку к мешку. Развязал, затолкал в мешок руку, что-то нащупал и вытащил оттуда сапог, потом — второй. Опять завязал и так же тихо полез наверх и отдал эти сапоги по принадлежности, т.е. тому, кому они «по закону» должны принадлежать. Утром, вероятно, пострадавший успел кому-то пожаловаться, и когда я проснулся от громкого разговора, то увидел, как вору надели наручники, да так туго, что он кривился от боли. А потом пострадавшего куда-то увели вместе с воров.

Чтобы сходить в туалет, надо несколько раз просить конвой. Им это не нравится. Водить ведь надо по одному — целое дело. Были случаи, что кто-то не выдерживал. Кушать ничего не давали, должны питаться выданным сухим пайком. С питьем тоже проблемы. Пайку хлеба зэки называют по-разному: «птюха», «бацилла», но чаще просто «горбушка».

Наконец, Хабаровская тюрьма. Большая общая камера. Какие-то изможденные старики предлагают нам табак-махорку менять на сахар. И вот, страдая от голода, все-таки отдал столовую ложку сахара за две маленькие закрутки махорки. Но покурить-то толком не дадут — сразу несколько таких же, как я, «мужичков» просят «сорок» или просто говорят: «Покурим». Это значит, надо ему оставить хотя бы четверть. Его тоже просят оставить, и так докуривают буквально до конца. Бытовало выражение «покурить самостоятельно» — это значит самому, одному выкурить всю закрутку.

Узнал деление заключенных на «бытовиков» и «контриков» — мужичков. Последние идут по 58 статье, в основном ст. 58 пункт 1 — измена Родине, но много и «болтунов» (58-10). Пунктов немало есть, например, 58-12 — «знал, не сказал». Это хорошо подходит ко всем женам «врагов народа». «Бытовики» сидят почти все по указу от 07.08.1947 г., в основном, мелкие

воришки, аферисты, взяточники, но есть и убийцы. Смертная казнь была отменена. «Бытовикам» везде, во всем предпочтение и доверие. В лагерях многим разрешают ходить за зону без конвоя. К «бытовикам» относятся и воры, и суки (бывшие воры), и все остальные «мужички», но не политические — те «контрики!!»

Пересылка в Ванино разгорожена на 14 зон, в каждой из которых по несколько тысяч человек. Огромные бараки с трехярусными нарами. Все ждут этапа — конечно, на Колыму, но точно никто ничего не знает. Произвол ужасный. Верховодят здесь бывшие воры, они — начальство, они сортируют прибывшие этапы, сразу распознают своих бывших «коллег», отводят их в сторону. Тут некоторые и «ссучиваются», т.е. соглашаются работать. Их назначают нарядчиками, дневальными, поварами, охранниками и другими «лагерными придурками». Но некоторые — вероятно, настоящие «законники» — куда-то исчезают. Они — непримиримые враги. Если в камеру, где сидят воры, попадет «сука» — обязательно зарежут; так же вор, попавший к «сукам», не останется в живых. А списать зэка с «баланса» легче всего. Воровские законы нерушимы, жутки, но они же и защитят заключенного. Если «крохобор» украл у зэка законную пайку — забьют до полусмерти. Рядом со мной на пересылке днем спал какой-то из «законников». Он именно спал днем, так как все ночи играл с такими же ворами в карты. Нары — это тонкие бревна-накатники, не всегда ровные, между ними — щели. Матрасов нет, спим прямо на этих кривых палках. И вот какой-то пацан, конечно, голодный, лезет под нары (и высота-то всего сантиметров сорок от земли), и нащупывает, у кого что есть в изголовьях. Я не спал, просто лежал, у меня он пошарил и, ничего не найдя (я всегда сразу, как утром получал, съедал весь хлеб), полез к соседу, а я не стал его пугать. Тут он нащупал горбушку хлеба, но не смог ее вытащить через щели. Сосед услышал, проснулся. Что тут было! Воришка старается уползти (нары низкие), сосед за ним смотрит, кричит: «Вылезай!». Тот, конечно, не вылезает, старается как-то спрятаться, но тут поднялся почти весь барак — вытащили этого несчастного и начали так бить, что смотреть было страшно. Я отошел... Надо быть справедливым. Не знаю, как в других лагерях-пересылках, но где пришлось быть мне, воры поддерживали порядок.

В Ванино, 6 августа 1948 г. нас погрузили — 6000 человек! — в трюм парохода «Ногин II». Всех мучает голод, но еще больше — жажда. Вот в трюм спустили бочку пресной воды. Масса, толпа, стадо почти обезумевших людей. Человек 500 набросились на эту воду, образовалась жуткая давка.

Чашки, миски вырывают, дерутся, вода льется на пол и что бы было дальше, если бы не один человек — «законник». Он крепко поддал нескольким (правда, ему еще кое-кто помог) и все отошли, встали в очередь. В трюме теснота, на нарах лежим один к одному и кому-то приходится устраиваться под нарами. Туда можно только залезть, сидеть там нельзя, но зато свободнее. Из каких-то источников люди узнают, что плыть будем через пролив Лаперуза — это между островом Сахалин и Северной Японией. Во время перехода пролива на палубу не пускают, а так — в открытом море! — целый день очередь в туалеты, устроенные за бортом парохода. Море далеко внизу, метров 20. Заключение целыми днями лежат, но некоторые туда-сюда бродят — знакомятся, делятся своими мыслями, бедами. Тут все нации, все возрасты, все классы, категории. У всех своя личная трагедия. Некоторые о чем-то шепчутся, а подойдешь — меняют тему разговора, и тут тоже боятся!

Все-таки мне удалось поговорить с небольшой группой. Они открыто обсуждали возможность побега, бунта. Один, видимо, бывалый, рассказывал, что знает о сопровождении таких судов подводными лодками и что в случае бунта они просто топят всех. Другой говорит, что этого не может быть, а вот если в трюме возникают какие-то беспорядки или, тем более, забастовка или бунт, то в трюм пускают пар и все сразу успокаиваются. Одного человека из этой группы я запомнил. Потом, много позже, он попал со мной в один лагерь. Там он собрал 3 или 4 человека и они сделали побег. Всех, кроме него, переловили. Привезли к нам же — работать в штрафной бригаде, но про него я так больше ничего и не слышал. В лагерной системе действовал своеобразный закон о беглецах: если поймают, обязательно привезут в тот же лагерь; если мертвый — кладут возле вахты (места выхода на работу) — чтобы все видели. Но того человека так и не привезли, а вот другого, бежавшего с ним вместе, всего избитого, но живого, доставили к нам сначала в БУР (барак усиленного режима), а потом отправили в штрафную бригаду. А после 53-го, когда почти кончилась эта вакханалия, ему вернули воинское звание, все ордена и пр. Выяснилось, что он был ранен, защищал Брестскую крепость и там попал в плен. Сейчас он живет в Ставрополе.

В Магадане, на пересылке, две большие зоны. В первой даже имеется свой огород — целое поле, на котором остались от урожая только корни капусты. Во второй зоне идет уже подготовка к этапу. Нас — огромную колонну — завели в первую зону на санобработку. После бани всем выдали по

комплекту белья, одежды. Тут же прошли медосмотр. В большом зале несколько столов, за которыми сидят женщины в белых халатах. Подходишь совершенно голый, они только глянут, в основном, со спины, на упитанность, что-то запишут в деле-формуляре, некоторых спросят: «На что жалуетесь?» Медосмотр идет очень быстро.

Во всем непривычном, лагерном идем в бараки — в первую рабочую зону. В этой зоне до нас жили японские военнопленные. Видно, что тут был порядок. Дорожки обложены камнями, побелены, в бараках еще висят картинки. Флажки над входной дверью одного барака, где по-русски написано: «Наш жиз-нерадостный дом». Среднее слово разделено на две части. Думаю, что только иностранец, да еще знающий русский язык, может так, одной черточкой, изменить смысл слова на противоположный. В этой зоне было много бесконвойных, работающих в городе. Большесрочников тоже возили в город на стройку — копать котлованы под фундамент, но, конечно, под конвоем и с собаками.

В одном бараке жили 6 химиков — все лауреаты Сталинских премий. Каждый день их возили на работу на какой-то секретный объект. Одежда у них была своя — не лагерная. Через них можно было что-то купить, но денег ни у кого не было.

Осенью 48-го сюда пришел этап с Колымы. Говорят, что это был вообще самый первый этап заключенных на материк, раньше оттуда возврата не было. Это оказались изможденные калеки, попавшие на Колыму во время и до еще войны, теперь «активированные» и инвалиды. Страшно было на них смотреть. Как-то не верилось, что и нас ожидает судьба такая же, и то только в лучшем случае...

Вот в зону заехала бортовая машина с хлебом, подъехала к хлеборезке. Стелят большой брезент, сбрасывают туда булки. Кучей сбежались и стоят кругом голодные зэки. Они знают, что здесь можно чуть-чуть поживиться. Хлеборез (это здесь большая персона) выбирает — или назначает заранее — несколько человек, которые носят хлеб в помещение. Когда последняя булка унесена, эти помощники берут брезент за углы и сбрасывают оставшиеся крошки, кусочки хлеба на землю или на утопанный снег. Стоявшие кругом, ждущие этой минуты, бросаются кучей на эти крошки и обломки хлеба. Зрелище незабываемое: давка, ругань. Жуткая картина, не поддающаяся описанию.

В конце 48-го года всю 58 статью перевели во вторую зону, откуда только один путь — весной в глубинку, в основном, на золото. Здесь пришлось

провести всю зиму, этапов на Колыму не было. Если в первой зоне можно было что-то достать через бесконвойников или самому подработать на кухне, то здесь это исключалось. По утрам наступала «веселая минута» — получение 600 гр. пайки хлеба. Какими-то неведомыми путями заключенные доставали махорку, но газет, и вообще никакой бумаги, нет — острый дефицит.

Однажды в наш барак заходит зэк-«предприниматель» и говорит: «Кому бумаги на десять закруток за одну закрутку махорки?» И желающие находились. Так он зарабатывал себя на курево, а бумагу, он мне рассказывал, доставал «по благу» в санчасти. Он оказался моим земляком, когда-то я в Харбине работал с его братом Дмитрием. А звали его Анатолий Сидоренко. Потом мы попали в один лагерь — на прииск «Днепровский». У него был срок 10 лет — за «помощь буржуазии». Как-то вызвал Анатолия уполномоченный (опер) и спрашивает: «Что вы можете добавить по своему делу?» А он, такой шутник, отвечает: «Я ничего не хочу добавить, это, вижу, вы хотите добавить». И, действительно, тот достает бумагу и говорит: «Распишитесь, изменена статья и ваш срок теперь — 25. Хотите что-нибудь сказать?». «Да, — говорит Сидоренко, — хочу. Дайте закурить!». Вот так спокойно некоторые принимали решения «троек».

Как-то шел мимо барака и услышал замечательную игру на скрипке. Оказалось, здесь тянул срок наш харбинский скрипач Дзыгарь. Вообще, тут можно было встретить людей из любой страны. Были из Франции, Испании, Греции, Индии. Еще один земляк-харбинец — Николай Карчевский — простой рабочий, никакого отношения к политике не имел, строил дороги, работая на паровом катке. Когда в 45-ом японцев прогнали, он не стал ждать разрешения вернуться на Родину и пешком перешел границу. За что получил 3 года и попал сразу в лагерь около Магадана. Как малосрочник, был бесконвойный, и в 47-ом, с учетом зачетов, уже освободился. Поехал в Магадан оформляться, получать паспорт. В анкете, в графе «место направления», написал «Обратно в Китай!» Сказали «Зайдите через 2 дня». Зашел. Арестовали и впяли 58-ю пункт 4 — новый срок!

Весна 49-го... По зоне пошли «параши» (слухи): появились «покупатели» — представители самых разных объектов Колымы. В основном, из золотых приисков. Тут же просачиваются сведения, что лучше попасть на большой ремонтный завод в Сусумане, чем на отдаленный от центральной трассы какой-нибудь рудник.

Были люди, которые боялись этапа. Может, они просто отличались дальновидностью или уже знали, что их ждет, если попадут на Индигирку, Чукотку, Провидение, в Кресты и другие страшные места.

Я видал заключенного-«бытовика», назначенного в этап, и чтобы не ехать, порезавшего себе живот. Правда, режут такие люди неглубоко, но крови теряют много. Некоторые заливают всякую дрянь себе в глаза, раны замазывают мылом. Их оставляют, кладут в стационар.

В конце апреля начались этапы. Вызывают по спискам. «Шмон» (обыск), посадка в машины и поехали в неизвестность...

Часть третья

6 мая 1949 г. нас привезли на прииск «Днепровский». Это — огромная рабочая зона в долине между гор, 8 x 3 км. Речушка-ручей, в которой есть касситерит (руда олова), а в горах, в шахтах и штреках, в породе — пластинами этот самый будущий металл. По периметру стоят вышки, а на возвышенности — еще зона, уже лагерная. Этот прииск почему-то был в конце войны законсервирован. Даже ходили слухи, что в горах в шахту загнали людей и вход взорвали, но это слухи. Теперь здесь все в движении — начало промывочного сезона. В лагере уже 1000 человек. Бригады по 40-50 эков получают утром с развода лотки — такие же, как для промывки золота, и моют песок из речки, из старых отвалов. Ходят по всей зоне. Есть бригады и в шахтах, где руду добывают, устраивая взрывы и везут потом на фабрику. Тут только 58-я статья. Этот лагерь относится к системе «Берлаг», а есть еще Кар, Амур, Степ, Дмит, Усоль, Княж, Свит, Сиб, Бам, Нориль, Вяземь, Ухто-Печерский, ББК, Алжир (жены изменников Родины) и другие. Одним из первых был «СЛОН» — Соловецкий лагерь особого назначения.

Ночи здесь почти нет. Солнце только зайдет и через несколько минут уже вылезет почти рядом, а комары и мошка — что-то ужасное. Пока пьешь чай или суп, в миску обязательно залетит несколько штук. Выдали накомарники — это мешки с сеткой спереди, натягиваемые на голову. Но они мало помогают.

Нас высадили около вахты — входа в лагерную зону. Пока принимает лагерное начальство, подходят заключенные, прибывшие раньше. Шутят: «Есть ли среди вас шофера?» Некоторые отвечают: «Есть». И слышат: «Ну, может быть, еще судимые ОСО — тогда им точно дадут две руки и колесо».

Или: «Ребята, вам повезло, здесь у нас начальство хорошее, вежливое — к вам здесь обращаются на «Вы»: «Вы, бл..., будете работать?!» Вот такой лагерный юмор.

В зоне все бараки старые, чуть-чуть подремонтированы, но уже есть санчасть, БУР. Бригада плотников строит новый большой барак, столовую и новые вышки вокруг зоны. На второй день меня уже вывели на работу. Нас, трех человек, бригадир поставил на шурф. Это яма, над ней ворот как на колодцах. Двое работают на вороте, вытаскивают и разгружают бадью — большое ведро из толстого железа (она весит килограммов 60), третий внизу грузит то, что взорвали. До обеда я работал на вороте, и мы полностью зачистили дно шурфа. Пришли с обеда, а тут уже произвели взрыв — надо опять вытаскивать. Я сам вызвался грузить, сел на бадью и меня ребята потихоньку спустили вниз метров на 6—8. Нагрузил камнями бадью, ребята ее подняли, а мне вдруг стало плохо, голова закружилась, слабость, лопата падает из рук. И я сел в бадью и кое-как крикнул: «Давай!» К счастью, вовремя понял, что отравился газами, оставшимися после взрыва в грунте, под камнями. Отдохнув на чистом колымском воздухе, сказал себе: «Больше не полезу!» Начал думать, как в условиях Крайнего Севера, при резко ограниченном питании и полном отсутствии свободы выжить и остаться человеком? Даже в это самое трудное для меня голодное время (уже прошло больше года постоянного недоедания) я был уверен, что выживу, только надо хорошо изучить обстановку, взвесить свои возможности, продумать действия. Вспомнились слова Конфуция: «У человека есть три пути: размышление, подражание и опыт. Первый — самый благородный, но и трудный. Второй — легкий, а третий — горький».

Мне подражать некому, опыта — нет, значит, надо размышлять, надеясь при этом только на себя. Решил тут же начать искать людей, у которых можно получить умный совет. Вечером встретил молодого японца, знакомого по магаданской пересылке. Он мне сказал, что работает слесарем в бригаде механизаторов (в мехцехе), и что там набирают слесарей — предстоит много работы по постройке промприборов. Обещал поговорить обо мне с бригадиром.

Так я начал работать слесарем. Это уже не шахта! Сооружение для механической промывки грунта строили около воды. Бульдозер толкает грунт в бункер, по транспортерной ленте он поднимается высоко и попадает

в большой железный цилиндр (скруббер), где при вращении с водой промывается. Тяжелый песок направляется в лоток, а пустая порода — в отвал. Так же моют и золото.

Плотники делали бункер, эстакаду, лотки, а наша бригада устанавливала моторы, механизмы, транспортеры. Всего мы запустили шесть таких промприборов. По мере пуска каждого на нем оставались работать наши слесари — на главном моторе, на насосе. Я был оставлен на последнем приборе мотористом.

Работали в две смены, по 12 часов без выходных. Обед приносили на работу. Обед — это 0,5 литров супа (воды с черной капустой), 200 граммов каши-овсянки и 300 граммов хлеба. Моя работа — включи барабан, ленту и сиди смотри, чтобы все крутилось да по ленте шла порода, и все. Но, бывает, что-то ломается — может порваться лента, застрять камень в бункере, отказать насос или еще что. Тогда давай, давай! 10 дней днем, десять — ночью. Днем, конечно же, легче. С ночной смены пока дойдешь в зону, пока позавтракаешь, и только уснешь — уже обед, ляжешь — проверка, а тут и ужин, и — на работу.

В августе начались дожди, холода. Одежда — летние куртки и брюки х/б — за лето износились. А главное — голод. Когда человек не пообедал, вечером говорит: «Ох, какой я голодный!». Нет, это — не голод. Вот когда год ежедневно недоедать, тогда — да! По себе знаю: начал быстро слабеть, полагерному — «доходить». Высыпали чирьи на шее, на спине. В то время многие начали болеть, в основном от голода и холода. Появилась желтуха. Организовали целый барак для дизентерийных. В стационаре лежат только очень тяжело больные.

Вспоминается случай. Утренний обход. Около одной койки врач останавливается, мельком смотрит на больного и... натягивает ему простыню на голову. Сразу подходят двое, кладут на носилки, а тот шепчет: «Я еще живой!» Санитары отвечают: «Молчи, доктор лучше знает!» Как в анекдоте...

В конце лета «ЧП» — побег трех человек из рабочей зоны. В отступление от закона, одного так и не вернули: ни живого, ни мертвого. Про второго я уже писал: привезли избитого в БУР, а потом — в штрафную бригаду. Бригадирствовал там Зинченко, который, говорят, у немцев был каким-то палачом. Но здесь он плохо кончил. Его в одну прекрасную ночь зарезал

молодой зэк. И сделал это строго по лагерным законам: сначала разбудил, чтобы знал — за что, потом прикончил и спокойно пошел на вахту, сдал нож. Режим усилили, на вышках появились пулеметы. Ходят все нервные, злые. У некоторых от безысходности появились мысли о самоубийстве. Мороз, снег с ветром. Подходит к бригадиру отчаявшийся зэк и просит: «Сделай доброе дело, вот топор — отруби мне пальцы. Я сам не могу, не хватает мужества, а ты, я вижу, сможешь. Я скажу, что сам». Показывает снятую с себя рубашку, чтобы потом завязать руку. Бригадир чуть подумал и говорит: «Клади руку вот на это бревно и отвернись». Тот отвернулся, закрыл глаза. Бригадир повернул топор и обухом ударил по двум пальцам, завернул руку бедолаги в тряпку и отправил в зону. Там он пролежал в стационаре пару дней и дней 10 «кантовался» в зоне, подправился и благодарил бригадира за хитрость, за то, что сохранил руку.

Промприборы работали до морозов, потом меня перевели в шахту, где я понял, что тут не выдержу! Даже подняться на гору, где были шахты, я не мог. После работы подошел к нарядчику и попросил перевести куда-нибудь полегче. Он посмотрел на меня (мне показалось доброжелательно) и сказал: «Завтра на развод — в другую бригаду, на «бурки!» Бригада большая, человек 15. Поставили на отдельный участок. Голая каменная плита, подножие скалы. Даже снега нет, все сдуло. На «бурках», оказалось, надо было шестигранным стальным ломом пробивать ямки глубиной 60 см. Норма за смену — 6 ямок. Кувалдой били по буру, каждый раз поворачивая, и когда что-то там откалывалось, вытаскивали «ложкой» — это железный черпачок на длинной ручке. Порода VI категории, от ударов не откалывается, а только дробится в песок. А мороз под 40, кувалда ужасно тяжелая. Кое-как вытерпел неделю и вечером пошел в санчасть.

Фельдшер Васильев — тоже зэк, мы его звали «очкариком» — смерил давление и говорит начальнице: «Ему надо дать III группу по АД». Она спрашивает: «Сколько?» Он: «180 на 100». Она: «Ничего, не так много». Он: «Вот, посмотрите». Показывает книгу, где написано, что больной при 180 подлежит активированию. Только тогда начальница санчасти — «вольная» врач Островская — согласилась дать мне III группу. Меня перевели в бригаду obsługi в большую зону. Я стал дневальным в общежитии «вольных» бульдозеристов.

Общежитие — это домик в одну комнату с кухней. В комнате — четыре кровати, все обитатели — бывшие зэки. Кто они? Пожилой тракторист с Украины, мечтающий о жизни на «материке»: поеду мол, под Киев, женюсь и чтобы у нее обязательно были домик и корова... Молодой грузин-тбилисец, из блатных, с которым я подружился и писал письма его невесте Этери... Еще молодой, высокий, здоровый Вася-сибиряк, бывший механизатор колхоза «Путь Ильича»... И последний, из центральной России, колхозный механик... Все осуждены по Указу. И все приняли меня как своего. «Вот, — сказали, — продукты, бери, что хочешь, вари».

Зарабатывали они в то время очень хорошо. Я для них готовил и сам стал быстро поправляться. Каждый день мыл полы, делал уборку, топил железную печку, готовил на ночь дрова. Они приходили с работы в чистую, теплую комнату и были очень довольны. Так прошла первая зима на прииске или вторая на Колыме.

Летом механизаторов куда-то переселили, а я попал на работу в пекарню, не пекарем, конечно, а заготавливать дрова. Дров требовалось очень много! Для того, чтобы их напилить и наколоть, я каждое утро набирал человек пять из выходных или больных, желающих подработать в пекарне. Они приходили и пекарь каждому давал по полбулки хлеба (все сразу съедалось), потом до обеда работали, а в обед — еще хлеба, да еще домой, в зону, давали по булке... Так что желающие всегда находились, и конвой на вахте меня уже запомнил, и свободно пропускал нас утром после общего развода, а обратно, бывало, запускал даже раньше всех с работы.

Для лагеря это была блатная работенка, но кончилась она для меня совершенно неожиданно. Надо сказать, что в мои обязанности входило вытряхивание пустых мешков из-под муки и складывание их для сдачи. В некоторых мешках оставались ссохшиеся куски подмоченной муки, их приходилось отдирать и собирать в ведра. Все это я делал около пекарни, которая находилась в большой рабочей зоне и была чуть-чуть огорожена. Один знакомый ленинградец — мы его звали «Белый глаз», так как у него ресницы на одном глазу были совершенно белые — увидел меня за этой работой и попросил дать ему куски муки, что я и сделал. Как раз в этот момент вышел из пекарни старший пекарь — грузин Жора, накричал на меня, наругал, а наутро нарядчик уже назначил на мою работу другого.

Но с остальными пекарями у меня еще долго сохранялась дружба. Умар Джамалдинов с Северного Кавказа, Павлюк-западник, кондитер из Шанхая Володя Грзделов — все они были специалистами пекарного дела и, вообще, хорошими дружными ребятами. Вот Грзделов — сын владельца кондитерской фабрики в Шанхае. Как только началась в 41-м война, он со своими друзьями пошел в советское посольство, просил, чтобы отправили добровольцами воевать против немцев. После запроса и ответа из Москвы их шестерых через Южный Китай на самолете доставили в Алма-Ату и затолкали сразу в «воронок» — «шпионы»...

Джамалдинов вскоре освободился, но на «материк» его не пустили, и я, по его просьбе, написал заявление Генеральному прокурору. О том, что срок у него кончился, но что домой не пускают, с припиской: «Если не пустите, то посадите в лагерь или расстреляйте, я хочу к семье, тут жить не могу и не хочу»... А «Белый глаз» вскоре умер. Он пошел работать в ту же пекарню, там съел очень много горячего хлеба — получился заворот кишок. Операции в таких случаях в лагерях не делались, не предусмотрены.

Бывало в лагере и смешное. Врач, например, говорит нарядчику: «Найди мне в санчасть какого-нибудь зэка-медика — помощником фельдшера». Нарядчик по картотеке быстро находит медика, вызывает его и направляет работать в санчасть. А тот в медицине ни бум-бум. Врач спрашивает: «Кем ты работал на воле?» Он отвечает: «Медник я!»

Жаль, что я не запомнил фамилии многих интересных людей, с кем пребывал в лагере. Даже фамилию начальника лагеря не помню. Только его прозвище — «Буквально». Запомнилось потому, что он где надо и не надо вставлял в разговоре это слово. А запомнился он еще и потому, что действительно заботился о быте зэков в лагере. При нем построили хорошие бараки без общих нар, а с отдельными, на 4 человека; также просторную баню-прачечную, кухню, столовую. Самодеятельность при нем расцвела — почти ежедневно кино, иногда концерты, духовой оркестр. Все это немного отвлекало нас от жуткой действительности. Около выхода из лагеря на большом стенде с названием «Когда этому будет конец?» сообщалось о разных недостатках в работе лагеря, и я, помню, каждый раз, проходя мимо, вполне законно, громко говорил: «Когда же этому будет конец?»

Но в то же время — номера на штанах, бушлатах и шапках, решетки на окнах барачных, замки на ночь... Если номер оторвался — могли не пустить в зону.

После пекарни бригадир не списал меня из бригады. Видно, он не увидел в моем проступке большой вины и назначил работать на бензоколонку. Три человека по очереди круглые сутки обслуживали базу ГСМ. К этому времени я уже физически подтянулся и 300-литровые бочки с бензином, с которыми приходилось общаться, слушались меня. К тому же стали платить зарплату — до 300 рублей в месяц, если заработок получался больше, то он шел на лицевой счет. Шофера, в большинстве своем бывшие зэки, да и вольные, не отказывались, если попросишь что-нибудь купить.

Со мной работал Николай Лобанов, преподаватель из Горно-Алтайска. Он воевал всего один день, на второй их окружили немцы. Его ранили, и он просил товарищей, чтобы добились — боялся плена. Но те ответили: «Коля, ты храбро сражался, рука на тебя не поднимается». И убежали... Плен, лагерь где-то в Финляндии и, наконец, его передали, или как он говорил, «продали на базаре» в финскую семью рабочим. Там он и проработал всю войну. Прижился так, что хозяйка не хотела отпускать после Победы, хотела женить на своей дочери, но он решил: на Родину! Приехал домой — госпроверка и лагерь!

Наш бригадир, Борис Тимофеевич Зернин, бывший царский офицер, принявший революцию с первых дней, комбат Красной Армии, был арестован еще в 1931 году. «Тогда, — говорил, — уже начались аресты военспецов (царских офицеров)». Несколько человек сидело в Красновишенских лагерях. Они очень возмущались арестом, считая себя настоящими большевиками-ленинцами, осуждали политику Сталина. Бывшие офицеры совершили групповой побег с целью добраться до Москвы, до высшего руководства, рассказать о вопиющей несправедливости к ним, об аресте честных членов партии. Их там успокоили, сказав, что все выяснят, примут меры. Но на выходе арестовали и вернули обратно в тот же лагерь.

Потом на Колыме Зернин кончил первый срок. Тут же дали второй, потом война — опять срок! Только в 53-м его освободили, но вскоре он на нашем же прииске погиб — упал с машины.

Перед своим освобождением бригадир рекомендовал меня нарядчику на свое место. Так я стал бригадиром «придурков», обслуживающих вольный поселок в большой зоне. Поселок относился к ЖКХ управления прииска. Вольный начальник ЖКХ Бирюков, член партии, приехавший на Север по договору, серьезный, непьющий, неразговорчивый и не особенно любящий

работать, появлялся ежедневно на пару часов, чтобы «посмотреть обстановку», что-то объявить, подписать, а всю текущую работу и отчетность делал за него наш бригадир, а теперь все это он возложил на меня.

ЖКХ помещалось в отдельном домике. Конторка, склад постельных принадлежностей и кое-какого инвентаря для вольных жителей, столярная и жестяная мастерские, установка для распиловки дров... В бригаде больше 20 человек, и всем хватало работы, а мне, чтобы удержаться на должности, пришлось хорошо потрудиться, так как лучшего места в лагере было не найти. Почти все дома, общежития находились в аварийном состоянии. Нам приходилось постоянно заниматься мелким ремонтом.

Однажды поступил заказ сделать и установить окно в старом домике. Наш столяр, эстонец Корге, очень аккуратный работник, окно сделал и установил вместо сгнившего. На следующий день приходит жилец из этого дома с претензией, что плохо поставили, совсем криво. Пошли проверять, смотрим, действительно как-то набок покосилось. Столяр ставит уровень, отвес — все нормально. Проверили другие окна, дверь — оказалось, они совсем наклонились. Пришлось немного наклонить и новое окно.

Пришел март 1953 года. Траурный всесоюзный гудок застал меня на работе. Я вышел из помещения, снял шапку и молился Богу, благодарил за избавление Родины от тирана. Говорят, что кто-то переживал, плакал. У нас такого не было, я не видел. Если до смерти Сталина наказывали тех, у кого оторвался номер, то теперь стало наоборот — у кого не сняты номера, тех не пускали в лагерь с работы.

Начались перемены. Сняли решетки с окон, ночью не стали запирают бараки: ходи по зоне куда хочешь. В столовой хлеб стали давать без нормы, сколько на столах нарезано — столько бери. Там же поставили большую бочку с красной рыбой — кетой, кухня начала выпекать пончики (за деньги), в ларьке появились сливочное масло, сахар. Начальник режима (эстонцы называли его «начальником прижима») ходит по зоне — улыбается, ему, наверное, делать нечего, не за что наказывать. Некоторые зэки с 58-й статьей с видимым удовольствием стали употреблять блатной жаргон, вставляя в разговор слова «чернуха», «параша», «вертухай», «попка»...

Особенно это стало заметно, когда жизнь в лагере улучшилась. Даже стали говорить: «Живем, как при коммунизме». И, конечно, этим «заболели»

только молодые, здоровые — они сделались какими-то приклатненными. Старые лагерники, вообще пожилые, конечно, понимали и употребляли лагерный язык, но не бравировали этим, а просто уже сжились и частично отвыкли от правильной русской речи.

Пошел слух, что наш лагерь будут консервировать, закрывать. И, действительно, вскоре началось сокращение производства, а потом — по небольшим спискам — этапы. Много наших, и я в том числе, попали в Челбанью. Это совсем близко от большого центра — Сусумана. Здесь в шахтах шла добыча золота и, несмотря на самые морозы, начали устанавливать драгу — эту плавучую фабрику по промывке песков.

У меня была III группа инвалидности, и потому в шахту меня не взяли. Несколько человек, таких, как я, сфотографировали для выдачи разрешения на бесконвойную работу за зоной. К сожалению, меня «опер» не пропустил и я «загорал» в зоне. В санчасти узнал, что из этого лагеря заключенных, нуждающихся в операции, могут отправить в большую больницу, в Сусуман, где есть хорошие хирурги. Тогда я записался на очередь по поводу операции грыжи, которая уже давно меня беспокоила, а на нашем «Днепровском» мне сама врач сказала, что есть постановление: заключенных из этого лагеря не оперировать. Это постановление распространялось на весь наш «Днепр», «Берлаг».

Очередь моя через пару недель уже подошла и нас, несколько человек, отвезли на машине в Сусуман, в лагерную больницу. Большинство больных — «бытовики». Врачи — бывшие зэки. Зав. хирургическим отделением Михаил Михайлович (все звали его Мих Мих) после обследования отлично сделал мне операцию и через 10 дней я был уже «дома», то есть в лагере. Надо сказать, что врачи, весь персонал и вообще вся обстановка в больнице заслуживали большой благодарности.

В это время освободился мой приятель-земляк, работавший при продуктовом ларьке в зоне и по его рекомендации, и еще как послеоперационный, я попал на «блатную» работенку. Я жил в комнате при ларьке, числился не то сторожем, не то дневальным.

При оценке работы на «удовлетворительно» зачеты шли день за два. Конечно, помогал продавщице Тине. Она была «вольная», договорничка, прекрасно относилась к заключенным. Всегда доставала хорошие продукты,

вплоть до свежего молока. Муж ее работал где-то на стройке, вместе с заключенными. Однажды ко мне зашел мой приятель Вася Василенко — художник из Пятигорска. Я познакомил его с Тиною и он предложил нарисовать ее портрет, но так как она побоялась позировать, принесла ему свою фотокарточку. Вскоре он нарисовал ее, сделав даже немного привлекательнее, в красивом, богатом платье, держащей в руке веер. Когда ей показали — она ахнула. Она никогда в жизни и веер даже не видела. Пришлось художнику переделать веер на розу. Женщина была очень довольна, и Вася, кстати, тоже — Тина его щедро отблагодарила продуктами.

Летом 55-го со всей Колымы собирали инвалидов для отправки на «материк». Надо напомнить, что Колыма тоже находится на материке, но поскольку сообщение поддерживалось, в основном, через океан, на пароходах, то и прочно укрепилось мнение, что Колыма — это что-то далекое, отдельное.

Даже были слухи о полном освобождении больных, хроников, калек и вообще таких, из которых уже все взято и они являются только обузой на Севере. К сожалению, эти слухи не оправдались и нас еще направляли на работу в лагеря Дальнего Востока, где опустели места исправления «бытовиков» в период массового освобождения летом 53-го. От Челбаньи до Магадана мы ехали на машине с одним конвойным и, конечно, уже без собак. После вполне приличного путешествия из Магадана в Совгавань (все-таки в трюме), опять — в Комсомольск, опять — на пароме через Амур.

Мы попали в лагерь-пересылку «Старт». Здесь нас было несколько тысяч. Видно, не знали, куда направить, держали месяца два, а потом все-таки нашли нам применение. Недалеко от Комсомольска есть домостроительный завод при поселке Хурмули. Тут мы все опять начали работать, и тоже не очень-то легкий был труд: морозы доходили до -40° , но все-таки — не Колыма. Здесь, на этом большом комбинате, наш лагерь неделю не работал — бастовал из-за большой задержки зарплаты. Были и угрозы, появились на вышках и пулеметы, но мы выдержали, деньги выдали.

А вскоре появилась комиссия Верховного Совета - начали вызывать по одному и к вечеру уже вывешивали список освобожденных! Каждый день человек 20-25. Но освобождали не всех и причину задержки понять было трудно. Когда вызвали меня, председатель комиссии минут пять просматривал мои документы, формуляр-дело, потом задал несколько

вопросов и последний из них был такой: «Ваше отношение к советской власти, если вас освободим?» Наверное, один из тысячи в таком случае ответил бы отрицательно. Я сказал, что жизни в Советском Союзе еще как следует узнать не успел, ну и вечером в списке освобожденных себя не нашел.

Через пару недель — опять на этап, опять через Амур на пароме и — в Совгавань. Здесь старый лагерь бытовиков, хорошо оборудован, у каждого своя кровать, тумбочка, в воскресенье выходной, зарплата, продукты в ларьке. Строили жилые дома, работали без ограждений, почти без охраны.

В конце августа 56-го вечером, после работы, вызвали к начальнику. Сидят двое, и после приветствий и обязательных вопросов без обиняков прямо говорят: «Мы можем Вас освободить и предложить работать у нас. Это почти такая же организация, в которой Вы работали до ареста. У Вас большой жизненный опыт, много знакомых из Китая, жить будете в Хабаровске. Мы поможем с устройством. Как Вы на это смотрите?» Я ответил, что если освобожусь, то сразу поеду к матери, которую после моего ареста выслали в Казахстан, а потом, смотря по обстоятельствам, отвечу.

На следующий день я появился в списке освобожденных, а еще через два дня, то есть 29 августа, получил паспорт, билет до Казахстана и справку о содержании в ИТЛ с 15.12.1947 г. до 18.08.1956 г. и еще хорошую характеристику от начальника лагеря.

В Южный Казахстан, в хлопко-совхоз «Пахта-Арал», я приехал к своей маме. Все эти годы она проживала, мучилась здесь без права выезда, без пенсии, без постоянной работы. Нашему счастью не было границ. Мы переехали в Ташкент, где я сразу устроился на стройку и второй раз начал трудовую, но вольную жизнь на своей малознакомой еще Родине.

В 1953 г. в лагере, после смерти Сталина, на радостях, я сочинил такое стихотворение:

Коль скоро я освобожусь,

Клеймо изгнанника мне снимут,

И я к своей семье вернусь,

То Колыму навек покину.

О ней забыть я постараюсь,
Чтоб дум своих не омрачать,
И не совсем еще состарюсь,
Хоть что-нибудь от жизни взять.

Об этих страшных, лютых днях,
Тянувшихся так долго, нудно,
И о пришитых номерах
Забыть мне будет очень трудно.

И нет теперь того здоровья —
Его отняли десять лет.
Энергии не стало более,
Которая была во мне.

Но все-таки я не жалею,
Что пережить досталось мне,
Зато сказать я смело смею:
Живу я на родной земле.

И кто поймет эти слова
Не как-нибудь наоборот,
А так, как говорю их я,
Тот, значит, патриот!

Послесловие

Итак, «блаженны неведующие», счастливы не испытывавшие ужасов неволи во времена узаконенного произвола, выполнения плана по поставке дешевой рабочей силы.

С точки зрения того правительства это было необходимо: дешевые комсомольские стройки совместно с чисткой советских граждан — это один из этапов создания развитого социализма, и в перспективе — облегчение перехода к коммунизму.

Оправдали ли свое назначение исправительно-трудовые лагеря? Думаю, что, в конечном счете, нет. Большинство прошедших через эту систему в душе стали если не врагами, то, во всяком случае, не сторонниками ее.

У совсем молодых, прошедших лагеря для малолеток, я видел на руках татуировки-«наколки» с руганью в адрес тех, кто хочет тюрьмой исправить человека. Само правительство ведь потом заменило аббревиатуру ИТЛ на МЛС (места лишения свободы).

И особенно показательно это было в то время, когда рухнул Советский Союз и проявился массовый энтузиазм его противников. И ни один ни первый, ни другие секретари районных, областных, городских комитетов КПСС не ушел в партизаны.

Значит, расстрелы, лагеря, ссылки, высылки и прочие действия не только не приблизили наш народ к мечте Маркса, Ленина, Сталина, но, наоборот, отдалили от «мировой революции»!

Мои размышления о лагерях перешли в давно известную истину: «Власть должна быть действительно народной!» Но при однопартийной системе или при каком-то воздействии извне, власть не может быть избрана действительно народом и пока он не восстановит свое личное сельское хозяйство без массы налогов, запретов и разных трудностей, и пока наш свободный народ не восстановит былую в России религиозность, власть всегда будет вынуждена прямо или косвенно воевать со своим народом.

Подготовил к печати П. Конкин.

<http://ilin-yakutsk.narod.ru/2001-1/18.htm>